

THE EARLY NEOLITHIC OF THE UPPER DON

© 2014

Smolyaninov R.V., candidate of history sciences, specialist
LGOO "Archaeologist", Lipetsk (Russia)
Surkov A.V., candidate of history sciences, leading consultant
Department of Culture and Archives of Voronezh region, Voronezh (Russia)

Annotation: Traditionally the Early Neolithic of the Upper Don was associated the Middle Don culture (Sinyuk, 1986), but recent researches of the following sites – Karamyshevo 5, 9; Vasilyevsky Kordon 5, 7; Ivnitsa etc. have afforded ground for attributing the Early Neolithic of the Upper Don to Karamyshevo culture.

This article analyzes the finds of Karamyshevo culture from 26 sites located in the basin of the Voronezh river. Those collections have all the grounds to be included into Early Neolithic antiquities as they have gone through radiocarbon dating and their chronological position correlates with the data of Elshan, Upper Volga and other Early Neolithic Cultures.

In terms of location some Karamyshevo sites can be singled out:

- in the Upper Voronezh region near the settlements of Preobrazhenovka and Dobroye in Lipetsk region in the right-bank flood plain of the river on the buttes of terraces above the flood-plain and leveed banks (Vasilyevsky Kordon 3, 5, 7, 25, Ratchino 22, Dobroye 1, Studenovka 3);

- in the Middle Voronezh region round Lipetsk and near the settlement of Karamyshevo in Lipetsk region in the flood plain of the river on the buttes of terraces above the flood-plain (Lipetskoye Ozero, Shlyuz, Gudovsky Kordon, Krasny Bugor, Karamyshevo 1, 5, 9, 19 etc.)

- in the Lower river region on the border of Lipetsk and Voronezh regions in the left-bank flood plain of the Voronezh river on the buttes of terraces above the flood-plain (Savitskoye 1, Kurino 1, Ivnitsa, Stupino)

The sites of Karamyshevo culture show some typical features which are characteristic of the Upper Don region – few stone implements, so the main distinguishing feature of those antiquities is pottery according to its finish and decoration.

This pottery has lumpy paste which visually consists of natural inclusions or chamotte in rare cases. More recent pottery finds have sanded paste without visible inclusions which is similar to that of the Middle Don culture. According to the method of finishing the pottery is divided into two groups: thoroughly smoothed and burnished on the outer surface pottery and smoothed one with scratches which seems to be a definite chronological marker. According to their shape the vessels are divided into straight-walled and biconical with a straight or shaped rim and mainly with a pointed bottom. The larger part of Karamyshevo pottery is plain. So among 500 pottery finds from Ivnitsa site 62% of those materials is plain, about 20% is decorated with oval, triangle and paired strokes, 11% is decorated with a short-pitch stamp, 21 finds have thin and shallow lines on the surface and 10 finds are decorated with pits.

Here we can speak about a relatively early stage of the site as later sites (Karamyshevo 9, Vasilyevsky Kordon 7) have more decorated pottery. The appearance of pit-like and comb decorations is connected with the final stage of this culture.

For dating of Karamyshevo culture we have the dates of the beginning of the Vth century B.C. – the first half of the IVth century B.C. (BP).

On the basis of the above-stated data we can come to a conclusion that at the end of the IVth century B.C. the first pottery complexes appeared in the forest-steppe and forest zones of Eastern Europe and they had a number of common features which specifically formed the basis of local cultures that we single out today and which existed in the Vth century B.C. Such cultures include Karamyshevo culture which sites might have dated back to the first half of the IVth century B.C.

Keywords: Early Neolithic, ceramics, Karamyshevskaya Culture, Upper Don, pinned, comb.

УДК 903.12

**К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ КРИТЕРИЕВ НЕОЛИТИЧЕСКОЙ ЭПОХИ
 ДЛЯ КУЛЬТУР СЕВЕРА И ЮГА**

© 2014

В.В. Ставицкий, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры
 «Всеобщая история, историография и археология»
Пензенский государственный университет, Пенза (Россия)

Аннотация: Первая археологическая периодизация Х. Томпсона была основана на смене материалов, из которых изготавливались орудия. Д. Леббок ввел новый критерий в периодизацию каменного века: совершенствование способов обработки орудий, что позволило ему выделить эпоху неолита. Этнографом Л. Морганом в основу периодизации был положен способ добывания средств существования. В качестве маркеров, отделяющих одну ступень развития от другой, им были использованы и археологические признаки, имевшие второстепенное значение. Для неолита таким признаком была керамика. Именно неархеологическая периодизация Г. Моргана была использована Г. Чайлдом, который к главным критериям неолита отнес появление производящего хозяйства.

Распространение в Западной Европе взглядов Г. Чайлда привело к тому, что большинство неолитических культур лесной зоны перестали считаться таковыми. В СССР, а затем и в России получила развитие концепция, согласно которой население лесных культур на основе развития присваивающего хозяйства достигло такого же уровня социального развития, что неолитические культуры с производящей экономикой. Среди зарубежных исследователей подобная точка зрения наиболее последовательно отстаивается М. Звелебилем. Однако аргументация данной концепции основана на субъективной интерпретации археологических артефактов. Общие черты в уровне развития культур Севера и Юга, как правило, фиксируются на основании сходства археологических [технологических] и социокультурных признаков, но данное сходство вызвано разными причинами, которые приводят к разным последствиям. Переход от мезолита к неолиту в лесной зоне осуществлялся не в революционной, а в эволюционной форме. Если «революция» имела место, то произошла она раньше в позднем мезолите, когда совершился переход от специализированной охоты на мигрирующих животных к комплексному охотничье-рыболовному хозяйству. Именно эта «мезолитическая революция» подготовила демографический рост неолитического населения, увеличение численности которого было, прежде всего, обусловлено благоприятными природными условиями атлантического оптимума, а не совершенствованием орудий и способов добычи пищи. Тогда как в культурах Юга все было с точностью до наоборот.

Сравнение социально-экономического развития неолитического населения Севера и Юга имеет глубокий смысл только в русле концепции однолинейного эволюционного развития человеческого общества, согласно которой население различных регионов проходит одни и те же стадии развития. Если же учитывать, что эволюция носила многолинейный характер, тогда подобное сравнение не является корректным. На наш взгляд, весь комплекс археологических материалов свидетельствует о многолинейных путях развития неолитического населения разных природных зон, сходство между которыми имеет самый общий характер.

Ключевые слова: критерии неолита; неолитическая революция; археологическая периодизация; неолитизация.

Как известно, первая археологическая периодизация, предложенная Х. Томпсоном, была основана на смене материалов, из которых изготавливались орудия труда и оружие. При этом предполагалось, что открытие новых материалов сопровождалось значительными изменениями в экономике и социальной организации древних обществ. Накопление новых материалов по каменному веку позволило Д. Леббоку разделить его на два периода: палеолит и неолит. Деление было произведено с точки зрения совершенствования способов обработки орудий, и переход к новому периоду связан с появлением техники шлифования камня [1, с. 2]. Это не нарушало принципов прежней периодизации, поскольку устанавливало иерархию критериев. Главным оставался признак появления новых материалов, а в качестве второстепенного выступали изменения в технике обработки орудий, что позволяло выделять дополнительные стадии внутри трех основных эпох.

Следует отметить, что среди российских археологов существует стойкое убеждение, согласно которому Д. Леббоком в качестве дополнительных критериев неолита были выделены: изобретение керамики [2, с. 6] и появление скотоводства и земледелия [3]. При этом в качестве источника информации указывается книга Д. Леббока, вышедшая в 1965 году. Однако в этом издании, впоследствии переведенном на русский язык под редакцией Д.Н. Анучина [1], подобные критерии отсутствуют. При описании свайных поселений Швейцарии Д. Леббоком действительно приводятся факты находок керамики, костей домашних животных и обугленных зерен злаков [1, с. 150-172], однако они не фигурируют в качестве критериев неолитической эпохи и, по всей видимости, не считаются им таковыми, поскольку в других разделах книги Д. Леббоком описываются неолитические памятники, не имеющие названных признаков.

По-видимому, то, что в российской литературе приписывается Д. Леббоку, в реальности было сделано Л. Морганом, который опирался на книги своего предшественника при разработке периодизации развития человеческого общества. В основу классификации Л. Моргана им были положены способы добывания средств существования, но этот принцип не был соблюден при выделении всех ступеней. Археологические признаки имели второстепенное значение, и в основном использовались в качестве своеобразных маркеров, отделяющих одну ступень развития от другой. В частности, появление керамики было признано Л. Морганом пограничной линией между дикостью и варварством, которая, по его мнению, имела произвольный, но показательный характер [5, с. 9-10].

Как ни странно, но именно эта эклектичная и уже устаревшая периодизация Л. Моргана была впоследствии использована Г. Чайлдом при определении критериев неолитической эпохи [6]. Причина этого, с одной стороны, видимо, заключалась в его промарксистских взглядах, а с другой – в том, что теоретические предположения Л. Моргана нашли подтверждение на конкретном археологическом материале. При этом Г. Чайлдом во главу угла было поставлено появление производящего хозяйства. Данный признак представлялся Г. Чайлду столь важным, что он счел возможным говорить о «докерамическом неолите», поскольку оказалось, что на Ближнем Востоке производящее хозяйство появилось раньше керамики. Данная точка зрения вскоре была поддержана и другими исследователями. Таким образом, благодаря археологу Г. Чайлду в неолитической периодизации возобладали неархеологические критерии.

Следующие важные шаги в утверждении неархеологических принципов периодизации были сделаны Дж. Меллартом, который ввел в неё новый термин протонеолит, обозначив им период, в который произошла «неолитическая революция», фактически заменив им мезолит, перенеся название последнего на финальный палеолит. Каких-либо археологических признаков протонеолити-

ческого периода им приведено не было, кроме самых общих слов о том, что в это время появляются могильники и отдельные погребения, содержащие украшения – бусы и подвески, а также получают распространения резные статуэтки животных и верховного божества – богини-матери. Впрочем, Дж. Мелларт сам подчеркивал условность введенного им термина, и не придавал ему большого значения, отмечая, что термины сами по себе мало что значат [7, с. 17-21]. Из приведенной им характеристики натюфийской культуры, которую он считал протонеолитической, следует, что характерными чертами этого периода является широкое распространение орудий, связанных со сбором и переработкой дикорастущих злаков: серпы с кремневыми вкладышами, каменные ступки, песты и зернотерки [7, с. 26].

Утверждение представлений о неолите как об эпохе зарождения производящего хозяйства привело к тому, что прежние неолитические культуры с керамикой, но без признаков производящего хозяйства в глазах большинства западноевропейских археологов потеряли право называться неолитическими, перейдя в разряд субнеолитических [8] или даже мезолитических [9, с. 248]. Поскольку в большей части территории Западной Европы процессы распространения керамики и производящего хозяйства носили взаимосвязанный характер, подобная смена терминологии прошла безболезненно, так как вполне укладывалась в принцип: не бывает правил без исключений.

Значительно сложнее обстояло дело в Восточной Европе, где в число субнеолитических попадали все культуры лесного неолита, и получалось, что исключений было больше, чем правил. Поэтому в Советском Союзе подобной смены терминологии не произошло. Например, один из ведущих исследователей неолита 1950-х годов А.Я. Брюсов главным критерием неолита считал изменение техники обработки каменных орудий. Керамика, по его мнению, в лесной зоне появилось только в развитом неолите, а распространение производящего хозяйства он связывал с волосовской культурой, возросшее население которой не могло прокормиться только охотой, рыболовством и собирательством. Отсутствие на волосовских стоянках земледельческих орудий А.Я. Брюсов объяснял тем, что они изготавливались из органических материалов и поэтому не сохранились [10, с. 6, 83].

С критикой выделения в лесной зоне особого «субнеолитического» периода впоследствии выступила Н.Н. Гурина. По её мнению, в основу определения неолита должен быть положен социально-экономический признак – степень развития производительных сил. Переход к неолиту на юге и севере имело общее содержание, но различные формы. Если на юге увеличение населения было достигнуто при переходе к производящему хозяйству, то в лесной зоне это произошло в результате возросшей роли рыболовства, которое стало ведущей отраслью экономики, позволившей местному населению перейти к относительной оседлости. К дополнительным признакам лесного неолита Н.Н. Гуриной было отнесено появление новых черт: в производстве и составе орудий, общественной организации и даже мышлении [11, с. 10-11].

Однако определение уровня развития общественной организации неолитического населения, и тем более мышления по данным археологии возможно только с достаточно высокой степенью гипотетичности. Поэтому вряд ли они могут являться критериями наступления новой эпохи. Более точной фиксации поддаются изменения в технике изготовления орудий, где Н.Н. Гуриной было выделено 7 новых черт: 1) введение и широкое применение в качестве сырья новых пород камня, 2) массовая добыча поделочного материала, появления шахт и многочисленных производственных мастерских, 3) широкое применение рубящих орудий и их дифференциация, 4) массовое внедрение шлифованных орудий, 5) абсолютное преобладание двусторонне об-

работанных орудий на отщепях, 6) распространение обработанного сланца точечной ретушью, 7) массовый прием пиления и сверления камня [11, с. 11].

Несложно заметить, что из приведенного списка признаков шесть являются количественными, поскольку они появились еще в эпоху мезолита (или даже раньше), а в неолите только получили массовое распространение. Причем на отдельных территориях их широкое применение имело место и в более раннюю эпоху. Например, на Среднем Дону наряду с кремнем местное население в мезолите уже широко использовало кварцит, количество которого доходит до 50% [12, с. 21], а на территории Скандинавии и Прибалтики – сланец [13, с. 151-152]. В Мариинском Поволжье в ту же эпоху получают массовое распространение рубящие орудия [14], а производственные мастерские достаточно хорошо известны уже в эпоху верхнего палеолита [15]. Вместе с тем двусторонне обработанные орудия на отщепях в раннем неолите лесной зоны встречаются достаточно редко [16, с. 87]. Не имело глобального значения появление шахт, которые зафиксированы только на отдельных территориях, причем в Белоруссии подобные шахты появляются еще в верхнем палеолите [15, с. 610]. Нельзя отнести к массовым приемам пиление и сверление камня, которые в неолите лесной зоны носили ограниченный характер.

Впоследствии переход к оседлости населения Северной Евразии в неолите на основе сетевого и запорного рыболовства был дополнительно обоснован М.Ф. Косаревым с широким использованием этнографического материала по народам Сибири. При этом он отмечал, что по структуре хозяйственных укладов оседлое рыболовство наиболее близко оседлому земледелию, а комплексный охотничье-рыболовецкий уклад соответствует комплексному пастушеско-земледельческому хозяйству [17, с. 31].

Точка зрения Н.Н. Гуриной на лесной неолит получила развитие у С.В. Ошибкиной. Она поддержала тезис о том, что практически к тем же результатам, которые были достигнуты южными племенами в ходе «неолитической революции», население северных культур пришло в результате развития присваивающего хозяйства. Среди перечисленных ею признаков, присущих не только южному, но и в значительной степени лесному неолиту, значатся: 1) создание избыточного продукта в экономике, 2) рост народонаселения, 3) сложение иерархии поселений, 4) появление больших некрополей, 5) развитие искусства и монументальной архитектуры, 6) общественное разделение труда и формирование общественной организации [9, с. 249].

Рассмотрим данные признаки по пунктам. 1) Для присваивающей экономики более точной формулировкой будет не создание избыточного продукта, а его получение. Поскольку речь здесь идет не о производстве, а всего лишь о присвоении продукта. Согласно хорошо аргументированному мнению С. Салинза, избыточный продукт могли получать многие архаичные общества задолго до эпохи неолита [18]. Земледельцы и скотоводы отличались от них тем, что практиковали регулярное создание избыточного продукта и его накопление, стремясь к сбору максимального количества растительных продуктов и увеличению стад домашнего скота. Следовательно, их накопление имело долговременный характер. Специфика охоты и рыболовства позволяла заготавливать запасы не более чем на один сезон, поскольку более длительное хранение приводило к потере их качества. А чрезмерные запасы, полученные в результате охоты, могли просто истощить окрестные ресурсы.

2) Рост народонаселения в неолите лесной зоны, конечно, имел место. Но происходило ли это в виде демографического скачка? И каковы его причины? Судя по изданным на сегодняшний день археологическим картам областей Российской Федерации, находящимся в лесной зоне, памятников эпохи неолита здесь в среднем в два-три раза больше, чем мезолита [19; 20; 21 и др.].

Но если взять только ранний неолит, то их количество ненамного превысит мезолитические. При этом по площади и насыщенности культурного слоя мезолитические и ранне-неолитические стоянки вполне сопоставимы. Заметное увеличение населения происходит только в развитом неолите, но и оно осуществляется постепенно. Следует согласиться с тем, что одним из главных демографических факторов был переход к оседлому рыболовству. Однако важную роль сыграло и улучшение климатических условий на территории лесной зоны в результате наступления атлантического оптимума, что значительно увеличило количество биомассы.

3) Сложение разноуровневой иерархии поселений в лесной зоне происходит не ранее железного века, то есть в то время, когда здесь утверждаются производящие отрасли хозяйства.

4) Большие некрополи в Поднепровье, так же, как и Оленеостровский могильник, появляются еще в эпоху мезолита, до распространения здесь производящего хозяйства [22], что, скорее всего, было вызвано переходом к большей оседлости населения. Вряд ли их появление может свидетельствовать об усложнении социальной структуры, поскольку четкой дифференциации в положении погребенных не прослеживается.

5) Искусство в неолите лесной зоны развивается, но то же самое имело место и в предшествующую эпоху. Причем, по мнению В.И. Тимофеева, у культур лесного неолита искусство значительно ближе к мезолитическому, нежели к искусству синхронного земледельческого населения [23, с. 210]. Монументальные сооружения в зоне распространения присваивающего хозяйства в неолитическое время неизвестны.

6) Разделение труда у охотников и рыболовов носит исключительно половозрастной характер, как в неолите, так и в предшествующие эпохи. Тезис С.В. Ошибкиной о появлении у населения лесной зоны уже в мезолите имущественной дифференциации, получившей дальнейшее развитие в неолитическое время [2, с. 8-9], представляется нам недостаточно обоснованным.

Среди зарубежных исследователей точка зрения о близком уровне социального развития населения земледельческих культур и племен лесного неолита наиболее последовательно отстаивается М. Звелебиллом, по мнению которого, для последних так же характерна сравнительно высокая плотность населения, долговременные поселения, развитая система торговли и обмена, имущественное и социальное расслоение [24, р.331]. Однако представления об относительно высокой плотности населения основаны преимущественно на материалах памятников, расположенных в зонах повышенного скопления биоресурсов. К ним, в частности, относится прибалтийское побережье, население которого занималось сбором моллюсков и охотой на тюленей. Однако подобная плотность памятников вполне может объясняться притоком населения во время охотничьего сезона, как это, например, имеет место в Тасмании и Австралии, где в определенное время года аборигены собираются на побережье океана с ряда окрестных территорий для охоты на тюленей. В этот период они создают группы, насчитывающие до 200 человек, которые затем распадаются [25]. У тех же австралийских аборигенов, которые, по классификации этнографов, относятся к низшим охотникам и собирателям, имеет место и развитая система обмена, носящая в значительной степени ритуальный характер. При этом уровень их социальной организации не идет ни в какое сравнение с земледельческими племенами.

Выводы о социальной и имущественной стратификации лесного населения Северной Европы сделаны М. Звелебиллом на основе анализа материалов Оленеостровского могильника. В частности, к богатым им были отнесены захоронения с ожерельями из медвежьих клыков, к средним – погребения с украшениями из резцов бобра и зубов лося, к бедным – безынвентарные

захоронения [27, р. 13]. Однако резцы бобра, например, являясь самой массовой находкой на мезолитических поселениях Заболотского озера на р. Дубне, где их сотнями находят в мусорных кучах. Поэтому маловероятно, что они могли являться средством накопления или обмена, а их нахождение в погребениях может свидетельствовать о какой-то даже самой минимальной имущественной стратификации. Более вероятное объяснение отмеченных различий в наборах инвентаря заключается в половозрастной дифференциации погребенных. Поскольку захоронения с наиболее богатым инвентарем в могильнике, как правило, принадлежат физически крепким мужчинам, находящимся в самом расцвете сил, это признается и М. Звелебилем [27, 1984, р. 19].

Особое место в доказательстве имущественной дифференциации прибалтийского населения у М. Звелебила отводится анализу зооморфных и антропоморфных фигурок, вырезанных из кости и рога, которые он относит к разряду престижных предметов, свидетельствующих об особом статусе их владельца. Однако их достаточно широкое распространение на памятниках лесной зоны противоречит подобному предположению. Их количество буквально в разы, например, превышает число так называемых зооморфных скипетров, известных на памятниках среднестоговской и хвалынской энеолитических культур, которые являлись символом власти и действительно свидетельствовали о более высоком статусе их владельца [28].

Следует отметить, что выводы об уровне общественной организации неолитического населения обычно делаются на основании этнографического анализа народов, задержавшихся в своем развитии, которые по представлениям исследователей находятся на неолитической стадии [29, с. 237-243]. Однако подобное сопоставление не совсем корректно, поскольку данные народы за длительную историю своего развития достигли предельных величин, возможных в условиях данного хозяйственно-культурного типа, в чем нельзя быть уверенным по отношению к неолитическим племенам. Например, В.В. Сидоров небезосновательно полагает, что к специализированным рыболовам высшей стадии развития присваивающего хозяйства в лесной зоне можно отнести только волосовские племена [30, с. 68-69], которые по периодизации относятся к эпохе позднего энеолита.

Таким образом, констатация сходного уровня социально-экономического развития неолитического населения южных и северных культур в основном носит декларативный характер. Общие черты в уровне их развития, как правило, фиксируются на основании сходства археологических (технологических) и социокультурных признаков, *но данное сходство вызвано разными причинами, которые, в конечном итоге, приводят к разным последствиям.*

Последние исследования ряда торфяниковых стоянок, в слое которых хорошо сохраняются органические остатки, показали, что система хозяйствования, выработанная мезолитическим населением, в раннем неолите оставалась практически неизменной. Так, по мнению М.Г. Жилина и А.В. Энговатовой, уже мезолитическое население Ивановского озера вело комплексное хозяйство лесных рыболовов и охотников умеренной зоны, которое дополнялось собирательством [31, с. 94-95]. Остеологические материалы торфяниковых стоянок свидетельствуют о том, что интенсивное занятие рыбной ловлей не является прерогативой неолитических племен, а получает широкое развитие еще в мезолитическую эпоху. Например, на стоянке Ивановское 7 максимум находок костей рыбы связан именно с мезолитическими слоями [32, с. 88]. Причем находки обломков пирогов, фрагментов весел, поплавков и челноков для плетения сетей, остатков вершей [33, с. 69], рыболовных грузил для сетей [34] свидетельствуют, что в мезолите были известны все основные снасти и приемы рыбной ловли, которые впоследствии использовало неолитиче-

ское население [35, с. 62-63].

По-видимому, еще в эпоху мезолита был сделан первый значительный шаг к оседлому образу жизни. Это произошло в то время, когда из основных объектов охоты выпали стада мигрирующих животных, преследование которых требовало постоянных перемещений. На территории Среднего Поволжья [14, с. 13; 36, с. 27-30], а частично и бассейна р. Вятки [37] уже в мезолите появляются поселения с долговременными жилищами. Среди каменных орудий представительные серии здесь образуют рубящие инструменты, одним из основных предназначений которых было изготовление лодок-долбленок, необходимых для ведения сетевого рыболовства. Регулярные занятия рыбной ловлей создали условия для сезонной оседлости, что благоприятно отразилось на демографии местного населения. На отдельных марийских поселениях количество мезолитических жилищ доходит до десятка, некоторые из них имеют площадь более 100 кв. м [14, с. 13-14]. Следует отметить, что А.Х. Халиков ряд средневолжских стоянок (2-ю Русско-Луговскую, 1-ю Черно-Мазинскую, 5-ю Атабаевскую и др.), в материалах которых отсутствовала керамика, но каменный инвентарь имел неолитический облик, в свое время отнес к периоду докерамического неолита [36, с. 44-48].

Обычно в переходом к сезонной оседлости в лесной зоне связывают появление керамики, что, по мнению С.В. Ошибкиной, только отчасти было связано с варкой продуктов животного и растительного происхождения в керамической посуде. Потребность в керамике объясняется главным образом необходимостью в хранении запасов пищи, и именно в этом смысле керамика действительно отражает явления исторического характера [2, с. 6]. Однако этнографические данные по населению лесной зоны свидетельствуют о том, что в отличие от тех мест, где лесная растительность не имеет широкого распространения, для долговременного хранения продуктов практически повсеместно используются деревянные ёмкости и крайне редко керамика. Поэтому распространение керамической посуды здесь, скорее всего, было связано именно с термическими способами приготовления пищи, а не с потребностями её хранения. Последнее подтверждается большими размерами раннеэнеолитических сосудов, которые в первую очередь, видимо, были предназначены для приготовления пищи. Сосуды больших размеров в массовом порядке получают распространение только в развитом неолите. На территории Волго-Окского междуречья это в целом происходит на финальной стадии существования верхневолжской культуры. Хотя на отдельных долговременных поселениях, расположенных на озерных системах в благоприятных местах, богатых рыбными ресурсами, подобный переход мог произойти несколько раньше.

Это означает, что первоначальное появление керамики в лесной зоне само по себе не является эпохальным событием, а всего лишь выступает в качестве одного из показателей постепенного перехода местного населения к большей оседлости. Причем в зависимости от наличия богатых природных ресурсов в одних районах данный переход был осуществлен еще в позднем мезолите, в других же даже в раннеэнеолитическое время население продолжало сохранять подвижный образ жизни. О чем, например, свидетельствует слабая насыщенность культурных слоев и единичность стационарных сооружений на исследованных памятниках данного времени [38]. По наблюдениям М.Г. Жилина и А.В. Энговатовой, стратегия расселения раннеэнеолитического населения ничем принципиальным не отличается от предшествующей эпохи [31, с. 94-95].

Таким образом, хотя повсеместное распространение керамики в лесной зоне стало результатом оседлости, её первоначальное появление здесь все же объясняется результатом заимствования у населения юга, а не результатом возросшей потребности хранения запасов пищи.

Следующий крупный шаг в сторону оседлости на основе рыболовства, вероятно, был сделан уже в развитии или даже позднем неолите, когда увеличившиеся коллективы начали испытывать недостаток в окружающих их охотничьих ресурсах. Так, например, остеологические материалы Сахтышских стоянок свидетельствуют, что заметное увеличение доли рыбы в рационе человека происходит в волосовское время [40].

Нельзя не отметить того, что все основные приемы обработки камня, включая шлифовку и сверление, были освоены еще в эпоху мезолита, а в неолите только получили более широкое распространение. Среди наиболее важных неолитических изменений в технике изготовления каменных орудий явился постепенный отказ от производства составного охотничьего вооружения, в основе которого лежало изготовление микролитических вкладышей. Вместо этого широкое распространение получают кремневые наконечники стрел и копий, изготовленные на отщепах и обработанные сплошной двусторонней ретушью. Отказ от изготовления составных орудий сопровождался постепенной деградацией индустрии изготовления ножевидных пластин, на смену которой в лесной зоне приходит отщеповая индустрия. Теперь для изготовления кремневого инвентаря широко используются отщепы, полученные попутно при производстве крупных рубящих орудий и наконечников копий. Однако зарождение и распространение данной индустрии имело место ещё в эпоху мезолита, что наглядно иллюстрируют два мезолитических слоя стоянки Замостье 2 [16, с. 86-105].

Указанные изменения вряд ли можно отнести к разряду революционных, поскольку составное вооружение по своим функциональным качествам мало чем уступало монолитным наконечникам, а в чем-то и превосходило последние. Кроме того, наконечники копий в большинстве лесных культур получают широкое распространение только в среднеолитическое время. Не случайно, что на территории Волго-Камья пластинчатые изделия составляли конкуренцию отщеповым вплоть до позднего неолита [41, с. 36, 87].

Таким образом, необходимо признать, что переход от мезолита к неолиту в лесной зоне осуществлялся не в революционной, а в эволюционной форме. Если «революция» и имела место, то произошла она раньше в поздне-мезолитическую эпоху, когда совершился переход от специализированной охоты на мигрирующих животных к комплексному охотничье-рыболовному хозяйству. Именно эта «мезолитическая революция» подготовила тот демографический рост населения, который фиксируется археологами в неолитическое время. Причем подобное увеличение численности в значительной мере было обусловлено не совершенствованием орудийного комплекса и способов добывания пищи, а более благоприятными экологическими условиями, наступившими в период атлантического оптимума. Увеличение продуктивности биоценозов, уменьшение морозного периода ослабило давление со стороны неблагоприятных факторов и устранило препятствия для роста населения в рамках существующей системы хозяйствования. Распространение многоярусных широколиственных лесов и многократно возросшая биологическая емкость ландшафтов объективно способствовали и переходу к большей оседлости населения. Повышение оседлости, в свою очередь, стимулировало увеличение рождаемости, поскольку этнографическими исследованиями фиксируется взаимосвязанность данных факторов [35].

В совершенно иных, буквально противоположенных условиях осуществляется переход к неолиту в районах, связанных с происхождением производящего хозяйства. Здесь главной причиной перехода являлись кризисные явления, связанные с общим ухудшением природно-климатических условий обитания местного населения, а именно повышением уровня аридизации. Их наступление, имевшее место на рубеже голоцена,

привело к коренной перестройке экономики, носившей поистине революционный характер. В лесной зоне все было с точностью до наоборот, поскольку здесь начало неолита совпало с исключительно благоприятными условиями климатического оптимума, что не требовало от местного населения революционной перестройки хозяйства, поэтому её и не было. Имеющиеся в нашем распоряжении данные свидетельствуют о том, что в неолите предельные величины численности населения, обусловленные ограниченностью природных ресурсов, так и не были достигнуты. В частности В.В. Сидоров отмечает, что многие озера, обладающие значительными рыбными ресурсами, на территории Волго-Окского междуречья были заселены только в финальном неолите, а на Валдае были освоены только нижние озера одной речной системы, тогда как верхние по-прежнему «лежали впусе» [30, с. 68, 76].

Не исключено, что экологическое равновесие между количеством населения и объемом природных ресурсов могло регулироваться и непосредственно членами первобытных общин, путем геронтоцида или ограничения рождаемости. Так, например, на волосовских могильниках появляется захоронения, погребенные в которых имеют следы многочисленных повреждений [42]. Примеры искусственной регуляции численности населения дают и многочисленные этнографические исследования. Тем более что избранная населением лесной зоны стратегия развития присваивающего хозяйства требовала строгого соблюдения экологического равновесия между численностью населения и окружающими биоресурсами.

Следует отметить, что сравнение социально-экономического развития неолитического населения Севера и Юга имеет глубокий смысл только в русле концепции однолинейного эволюционного развития человеческого общества, согласно которой население различных регионов проходит одни и те же стадии развития. Если же учитывать, что эволюция носила многолинейный характер, тогда подобное сравнение не является корректным. Между тем, весь комплекс археологических материалов свидетельствует именно о многолинейных путях развития неолитического населения разных природных зон, сходство между которыми имеет самый общий характер. На территории Восточной Европы в неолите заметных успехов в развитии земледелия, по существу, добились только племена культуры линейно-ленточной керамики или их прямые потомки. У населения других культур земледелие и скотоводство в неолитическую эпоху так и не стали ведущими отраслями производства. К сожалению, конкретных материалов по неолитическим памятникам, которые могли бы пролить свет на соотношение различных отраслей экономики, пока еще очень мало. Однако существенные отличия в наборе каменных орудий развитых земледельческих культур и памятников, оставленных населением, находящимся на периферии распространения производящего хозяйства, наглядно свидетельствуют о том, что его экономика не претерпела коренных изменений. Так, например, по подсчетам Г.Ф. Коробковой, даже на памятниках буго-днестровской культуры, население которой непосредственно контактировало с представителями культуры линейно-ленточной керамики, по данным трасологического анализа, число кремневых орудий, использовавшихся в земледелии, составлял всего 1 – 3% [43, с. 158-162]. О нежелании рыболовов и охотников переходить к производящим отраслям экономики, если природные ресурсы позволяли сохранять прежний уклад хозяйства, свидетельствуют и многочисленные этнографические примеры [29, с. 267, 272].

Таким образом, если руководствоваться критериями, поставленными во главу угла Г. Чайлдом, то лесной неолит таковым не является, поскольку его общность с производящими культурами южного неолита представляется крайне преувеличенной. Поиски данной общности лишь затеняют сущность лесного неолита и вряд

ли способствуют его лучшему пониманию. Так, например, в последнее время по отношению к лесному неолиту все чаще употребляется термин «неолитизация». Сторонники его использования обычно подразумевают под «неолитизацией» лесной зоны распространение всего комплекса признаков, характерных для неолита, но фактически ориентируются на керамику, которая является главным критерием [44]. Вместе с тем существует и другая точка зрения: под «неолитизацией» в лесной зоне следует подразумевать не что иное, как процесс распространения керамики [45]. Однако данный термин был введен Г. Чайлдом для обозначения процесса распространения производящего хозяйства, который далеко не всегда протекал параллельно с распространением керамики, а в очагах своего зарождения, как правило, предшествовал появлению глиняной посуды, поскольку появление керамики было обусловлено потребностями производящего хозяйства, а не наоборот. В этом значении данный термин используется в настоящее время зарубежными коллегами и именно так они расценивают наши слова, когда мы говорим о «неолитизации» культур лесной и лесостепной зоны. Термин, введенный Г. Чайлдом, конечно, не очень удачный, поскольку соответствует не полному комплексу неолитических признаков, а всего лишь одному из них. Однако в науке он уже утвердился под определенным значением и вряд ли стоит вносить путаницу, вливая в него свое новое содержание. К тому же в русском языке уже существует более точный термин, который используется при описании технологических процессов – керамизация.

Вместе с тем необходимо вернуть прежнее значение термину *неолит*, который, как известно, был введен в науку задолго до Г. Чайлда. Решение данного вопроса возможно при соблюдении принципа единства критериев археологической периодизации, с учетом иерархии признаков. Первый шаг в данном направлении уже был сделан М.В. Аниковичем. Он предложил в качестве универсального критерия использовать массовое внедрение в человеческую практику качественное нового материала, который в предшествующие эпохи либо не использовался, либо применялся очень ограниченно и технически примитивно [46, с. 90]. При данном подходе к решению проблемы неолит приобретает значение «века керамики», мезолит вместе с верхним палеолитом относится к «эпохе кости», энеолит входит в «эпоху бронзы», что кардинально меняет сложившуюся периодизацию. Между тем, если учесть еще один критерий, признав его второстепенность по отношению к первому, то археологическая периодизация во многом обретет прежний вид. Подобный критерий уже использовался Г. Мортилье и Д. Леббоком. Это изменение технологии изготовления орудий. Его применение позволяет выделить эпохи, которые имеют переходный характер: мезолит и энеолит. К критериям третьей степени следует отнести социально-экономические изменения, которые на ранних стадиях развития человеческого общества в значительной степени были обусловлены природно-географическими факторами, и, следовательно, имеют локальный, а не всеобщий характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леббок Д. Доисторические времена или Первобытная эпоха человечества. М.: Либроком, 2011. 504 с.
2. Ошибкина С.В. Понятие о неолите // Неолит Северной Евразии: Археология. М.: Наука, 1996. С. 6-9.
3. Клейн Л. С. Археологическая периодизация: подходы и критерии // *Stratum Plus*. 2000. № 1. С. 485-515.
4. Леббок Д. Начало цивилизации и первобытное состояние человека. Умственное и общественное состояние дикарей. М.: Либроком, 2011. 384 с.
5. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1935. 350 с.
6. Чайлд Г. Расцвет и падение древних цивилизаций.

М.: Центрополиграф, 2012. 170 с.

7. Мелларт Дж. Древнейшие цивилизации Ближнего Востока. М.: Наука, 1982. 149 с.

8. Jozwiak B. Społeczności subneolitu wschodnioeuropejskiego na Niziu Polskim w międzyrzeczu Odry i Wisły. Poznań, 2003. 449 s.

9. Ошибкина С.В. О раннем неолите в лесной зоне // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2006. Вып. 6. С. 248-253.

10. Брюсов А.Я. Очерки по истории племён Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: Наука, 1952. 264 с.

11. Гурина Н.Н. Некоторые общие вопросы изучения неолита лесной и лесостепной зоны Европейской части СССР // *Материалы и исследования по археологии СССР*. Л., 1973. № 172. С. 7-24.

12. Федюнин И.В. Мезолитические памятники Среднего Дона. Воронеж: ВГПУ, 2006. 145 с.

13. Шахнович М.М., Тарасов А.Ю. Пилы и пиление: Некоторые наблюдения относительно аспектов технологии и особенностей бытования в каменном веке Карелии // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2000. Вып.4. С. 151-160.

14. Никитин В.В. Каменный век Марийского Поволжья // *Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола: МарНИИ*, 1996. 180с.

15. Зуева А.В. История изучения кремнедобывающих и кремнеобрабатывающих памятников Белорусского Поманья // *Первобытные древности Евразии*. М.: ИА РАН, 2012. С. 603-613.

16. Гиря Е. Ю., Лозовский В.М., Лозовская О.В. Технологический анализ каменной индустрии стоянки Замостье 2 // *Древности Залесского края*. Сергиев Посад, 1997. С. 86-103.

17. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. М.: Наука, 1991. 302 с.

18. Салинз М. Экономика каменного века. М.: ОГИ, 1999. 296 с.

19. Археологическая карта России. Нижегородская область. Часть 1. М., 2004. 384 с.

20. Археологическая карта России. Рязанская область. Часть 1. М., 1993. 260 с.

21. Археологическая карта России. Тверская область. Часть 1. М., 2003. 384 с.

22. Хлобыстина М.Д. Древнейшие могильники Восточной Европы как памятники социальной истории. СПб., 1993. 160 с.

23. Тимофеев В.И. Некоторые проблемы неолитизации Восточной Европы // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2002. Вып. 5. С. 209-214.

24. Zvelebil M. The Agricultural Frontier and the Transition to Farming in the Circum-Baltic Area. In D. Harris [ed.] // *The Origin and Spread of Pastoralism in Eurasia*. London: UCL Press, 1996. PP. 323-345.

25. Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986. 303 с.

26. Сидоров В.В. Интерпретационные возможности основных понятий археологии (Археологическая одонтология) // Тверской археологический сборник. Тверь: ТГОМ, 2002. Вып.5. С. 8-13.

27. O'Shea, J. and Zvelebil M. Oleneostrovski Mogilnik: reconstructing social and economic organisation of prehistoric hunter-fishers in northern Russia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 1984. №3. PP.1-40.

28. Манзура И.В. Владелицы скипетрами // *Stratum Plus*. Кишинев, 2000. № 2. С. 237-295.

29. Шнирельман В.А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводов и высших охотников, рыболовов и собирателей // *История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины*. М.: Наука, 1986. С. 236-426.

30. Сидоров В.В. Реконструкции в первобытной археологии. М.: Таус, 2009. 216 с.

31. Жилин М.Г., Энгватова А.В. Палеоэкология и Самарский научный вестник. 2014. № 3(8)

заселение Ивановского торфяника // Некоторые итоги изучения археологических памятников Ивановского болота. Иваново, 1998. С. 90-97.

32. Сычевская Е.К. Остатки рыб с поселения Ивановское 7 // Некоторые итоги изучения памятников Ивановского болота. Иваново, 1998. С. 87-89.

33. Лозовский В.М., Рамсеер Д. Предметы из дерева стоянки Замостье 2 // Древности Залесского края. Сергиев Посад, 1997. С. 66-73.

34. Ошибкина С.В. Веретье 1. Поселение эпохи мезолита в Восточной Европе. М.: Наука, 1987. 204 с.

35. Ставицкий В. В. Неолитическая революция в лесной зоне Восточной Европы // XVI Уральское археологическое совещание. Пермь, 2003. С. 62-63

36. Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М.,: Наука, 1969. 394 с.

37. Гусенцова Т.М. Мезолит и неолит Камско-Вятского междуречья. Ижевск: УдГУ, 1993. 230 с.

38. Ставицкий В.В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза: ПГКМ, 1999. 196 с.

39. Lozovski V. M. Zamostye 2: the Last Prehistoric Hunter-Fishermen of the Russian Plain. Edition CEDARC. 1996. 96 с.

40. Козловская М.В. Палеоэкологические аспекты исследования антропологических материалов могиль-

ника Сахтыш-На // Неолит лесной полосы Восточной Европы. Антропология Сахтышских стоянок. М.: Научный Мир, 1997. С. 93-114.

41. Габяшев Р.С. Население Нижнего Прикамья в V-III тысячелетиях до н. э. Казань: Фен, 2003. 224 с.

42. Костылева Е.Л., Уткин А.В. Волосовские погребения на стоянке Ивановское VII в Центральной России // Историко-археологические изыскания. Самара, 1997. Вып. 2. С. 41-54.

43. Коробкова Г.Ф. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ Юга СССР. Л.: Наука, 1987. 320 с.

44. Шукуров А.М., Дэвисон К, Сарсон Г.Р., Долуханов П.М., Зайцева Г.И. Множественность источников европейского неолита // Радиоуглерод в археологических и палеоэкологических исследованиях. – СПб.: Теза, 2007. С. 172-182.

45. Мазуркевич А.Н., Долбунова Е.В. Распространение керамических традиций в раннем неолите на территории Восточной Европы // Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы. СПб., 2009. С. 80-82.

46. Аникович М.В. К определению понятия «археологическая эпоха» // Советская археология, 1992. №1. С. 85-94.

ON THE QUESTION OF THE UNITY OF CRITERIA OF NEOLITHIC EPOCH FOR THE CULTURES OF NORTH AND SOUTH

©2014

V. Stawitsky, Doctor of History Sciences, associate professor of Department of General History, Historiography and Archaeology
Penza State University, Penza (Russia)

Annotation: The first archaeological periodization by H. Thompson was founded on the turn of the materials from which tools were made. J. Lubbock has introduced a new criterion in the periodization of the Stone Age – improving of methods of processing tools that allowed him to identify the Neolithic. By the opinion of Ethnographer L. Morgan, the way of getting livelihood was laid in the base of the periodization. As markers separating one stage of development from another, he have been used an archaeological features of secondary importance. For Neolithic pottery was such a sign. G. Child used the non–archeological periodization of G. Morgan. G. Childe named the producing economy the main criteria of Neolithic.

Spreading of the views of G. Child in Western Europe has led to the fact that most of the Neolithic cultures of the forest zone are no longer considered as such. In the Soviet Union, and then Russia has evolved a concept according to which the population of forest crops by developing appropriating economy has reached the same level of social development that the Neolithic cultures with generating economies. Among foreign scholars this view most consistently advocated by M. Zvelebil. However, this argument is based on the concept of subjective interpretation of archaeological artifacts. Common features in the level of development of the cultures of North and South, are generally fixed on the basis of similarity of archaeological (technological) and socio-cultural characteristics, but this similarity is due to various reasons, which lead to different consequences. The transition from the Mesolithic to the Neolithic in the forest zone was carried out not in the revolutionary but in the evolutionary form. If the “revolution” has taken place, then it occurred earlier in the Late Mesolithic, when transition passed from specialized hunting migratory animals to complex hunting- fishing economy. This “Mesolithic revolution” produced demographic growth of Neolithic population, the increase of which was primarily due to favorable natural conditions of Atlantic optimum rather than to improvement of tools and methods of obtaining food. Whereas in the cultures of the South it was the exact opposite.

Comparison of socio- economic development of the Neolithic population of the North and South has deep meaning only in terms of the concept of a single line of evolutionary development of human society, according to which the population of different regions held the same stage of development. If we consider that the evolution of the character wore a multi-line, then this comparison is not valid. In our opinion, the whole complex of archaeological materials suggests ways of multiline development of the Neolithic population of different natural areas, the similarity between them is very general in nature.

Key words: criteria Neolithic; Neolithic Revolution; archaeological periodization; neolitization.